

© 1992 г.

Х. Хайнен

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ В ТРУДАХ М.И. РОСТОВЦЕВА

В настоящей статье рассматривается только одна из многих тем в огромном наследии М.И. Ростовцева — эллинистический Египет, т.е. история долины Нила со времени завоевания ее Александром Великим до смерти Клеопатры VII (332—30 гг. до н.э.).

В рамках одной статьи речь может идти лишь о том, чтобы рассмотреть важнейшие работы русского историка на эту тему, охарактеризовать некоторые его ведущие идеи и на отдельных примерах показать тот отклик, который нашли его мысли и концепции. Конечно, подобный обзор недостаточен, чтобы в полном виде описать вклад М.И. Ростовцева в эту область истории. Самостоятельное суждение об этом можно получить лишь при чтении его трудов и одновременной работе с теми источниками, которым Ростовцев дает истолкование и оценку. Чтобы способствовать этому, я привожу в настоящей статье несколько довольно длинных цитат из работ Ростовцева, предоставляя таким образом слово ему самому.

В этой статье внимание с необходимостью концентрируется лишь на некоторых существенных аспектах исторической концепции Ростовцева, и это может привести к ложному впечатлению, будто теоретический подход к проблеме и развившиеся из него положения были его основными достижениями и что, следовательно, значение Ростовцева умалется в той мере, в какой его теоретические высказывания оказываются оспариваемыми. Известно, какое значение придавал сам Ростовцев своим понятийным категориям (таким, как буржуазия, капитализм, плановое хозяйство и т.д.) и своей концепции истории (например, представлению о циклическом развитии); тем не менее это не означает, что ценность его работ зависит только от степени их состоятельности и убедительности его общей интерпретационной модели. Даже если последняя подвергается справедливой критике (а она не всегда справедлива), то труд Ростовцева продолжает жить — и это относится также к его работам об эллинистическом Египте — благодаря его достижениям в исследовании, в методе и изложении, а также благодаря, *во-первых*, его мастерству в исследовании, так как никто кроме него и никто после него не обладал столь основательным и всеохватывающим знанием источников эллинистического мира в целом; *во-вторых*, его методу, так как Ростовцев обладал совершенно необыкновенной способностью интерпретировать самые разнообразные категории источников (не в последнюю очередь также археологических) в рамках и целях исторического исследования; *в-третьих*, изложению, так как Ростовцев не терялся в конкретных частных вопросах, но, имея всеобъемлющую концепцию, обладал способностью вкладывать детали в общую картину и воспроизводить эту картину с большой силой убедительности.

Этими замечаниями я предваряю статью не для того, чтобы выступать апологетом некритической восторженности. Сам Ростовцев не одобрил бы такого восхваления без критики. Мои замечания имели скорее целью подчеркнуть — в противовес тем аспектам его творчества, которые могут и должны быть подвергнуты критике, — те

большие заслуги Ростовцева, которые, несмотря на всевозможные сомнения по поводу как общих положений, так и отдельных деталей, сохраняют свою актуальность и заслуживают признания¹.

Эллинистический Египет интересовал Ростовцева начиная с его первых работ до его последнего труда «Социально-экономическая история эллинистического мира»². Михаилу Ивановичу не было еще и 30 лет, когда он впервые опубликовал свою «Историю государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» (далее — «Откуп»). Русское первоиздание появилось в 1899 г. в Санкт-Петербурге, немецкое переработанное — в 1902 г. в Лейпциге. Уже в этой его первой, сравнительно большой научной публикации звучат различные лейтмотивы, которые будут определяющими во всем его последующем творчестве. Они свидетельствуют о значительном континуитете в мышлении и работах Ростовцева при всем возможном развитии и расширении тем и несмотря на радикальное изменение его жизненных обстоятельств после 1917—1918 гг. Первый аспект этого континуитета — методического характера, второй касается его идеи о тесных связях между Востоком и Западом в рамках древнего мира: «В методическом отношении моей главной целью было никогда не отодвигать на второй план исторического аспекта в угоду антикварному; моей задачей было проследить историческое развитие в его основных чертах, в то время как антикварно-юридическая сторона дела оставалась для меня всегда лишь вспомогательным средством. В этих рамках далее я считал самым важным вскрыть связи, которые соединяли эллинистический Восток с римским Западом, как в древние, так и в более поздние времена, как во время независимого существования эллинистических царств, так и во время расцвета мировой монархии Рима»³.

Уже эти первые и на протяжении всей жизни последовательно проводимые принципы делают понятными два обстоятельства. Во-первых, бесчисленные конкретные исследования о надписях, монетах, папирусах и археологических памятниках никогда не исчерпываются антикварным аспектом, но постоянно включаются в изначально существовавшую и постоянно расширявшуюся историческую концепцию. Поэтому и его интерпретации египетских папирусов служат не только чисто папирологическим целям; наоборот, они, часто исчерпывая информагивные возможности папирусов, а иногда, к сожалению, и преувеличивая их, используются как исторические свидетельства в четко отграниченной постановке вопроса. Во-вторых, вышеприведенная цитата показывает, что 30-летний исследователь уже в этом труде держал в своем поле зрения как Восток, так и Запад античного средиземноморского пространства⁴.

По сущности и в соответствующих рамках здесь уже провозглашена часть той программы, которую позже ученый воплотит в жизнь в своих обоих больших эталонных трудах «Социально-экономическая история Римской империи» (1926) и «Социально-экономическая история эллинистического мира» (1941). Заметим попутно, что это обстоятельство делает очевидным, что не только Октябрьская революция и эмиграция оказали решающее воздействие на концепцию Ростовцева в обоих на-

¹ Из многих публикаций о Ростовцеве я хотел бы назвать лишь те, которые, со своей стороны, содержат обширные ссылки на литературу о нем: *Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit.* Darmstadt, 1972. S. 334—349, библиография — S. 372 f.; *Andreau J.* Antiquité, moderne et temps présent: la carrière et l'oeuvre de Michel Ivanovič Rostovtzeff (1870—1952) // *Rostovtzeff M.I. Histoire économique et sociale de l'Empire Romain / Traduit de l'anglais par Odile Demange.* P., 1988. P. I—LXXXIV; *idem.* La dernière des grandes synthèses historiques de Michel Ivanovič Rostovtzeff // *Histoire économique et sociale du monde hellénistique.* Traduit de l'anglais par Odile Demange. P., 1989. P. I—XXIX; *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context (*Historia-Einzelschriften*, 65). Stuttgart, 1990. Библиография сочинений Ростовцева: *Welles C.B.* // *Historia.* 1956. Bd V. S. 358—381; *Gilliam J.F.* Addenda to the Bibliography of M.I. Rostovtzeff // *Historia.* 1987. Bd XXXVI. S. 1—8.

² *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I—III. Oxf., 1941 (далее — SENHW).

³ *Idem.* Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit bis Diokletian // *Philologus. Ergänzungs Bd IX.* 1902 (далее — Staatspacht). S. 331.

⁴ В качестве стипендиата Ростовцев незадолго до этого в 1895—1898 гг. познакомился с Турцией, Грецией, Италией, Испанией и Северной Африкой, кроме того, с научными институтами и археологическими собраниями в Вене, Париже и Лондоне.

званных трудах. Эти линии были заложены, как показывает и «Откуп», гораздо раньше, а именно сразу в первые годы его научной деятельности. Они берут свое начало от типичных для конца XIX в. научных споров и от постановки проблем, имевших большее значение как раз для русских историков того времени. Положение землевладения и сельского населения, отношения между государством, обществом и индивидуумом, взаимоотношения города и деревни, буржуазии и крестьян — эти темы уже тогда, как показывает «Откуп», а не только с 1917 г., принадлежали кругу проблем Ростовцева. Таким образом, опыт Октябрьской революции не был решающим поворотным пунктом в историческом мышлении Ростовцева, но наоборот, эта революция была следствием тех проблем, которыми были заняты умы многих русских людей и в том числе Ростовцева еще в конце XIX в. Эти проблемы до сих пор не решены, и как раз это обстоятельство могло бы повысить актуальность трудов Ростовцева, особенно для советской историографии.

Сказанному в полной мере соответствует также восприятие Ростовцевым общественных и экономических отношений в птолемеевском Египте. Уже в «Откупе» идет речь о «коммунизме», задолго до того, как Ростовцев мог предвидеть, что это понятие когда-нибудь будет для России и него самого жизненно важным: «Примечательной особенностью любого эллинистического царства является царская или государственная собственность на большую часть земли, при этом частное владение весьма ограничено и большинство крестьян — арендаторы царя. На мой взгляд, объяснение этого, выше уже упоминавшегося обстоятельства, следует искать в большом влиянии на эллинистические царства великих восточных монархий, в основном Египта и Ассирии-Вавилонии, в которых это явление было необходимым следствием исторического развития. Где, как в Египте, существование и благосостояние страны целиком зависит от того, что ежегодно происходит строгое и размеренное регулирование периодических распределений воды и ее отведения, где вследствие этого с необходимостью воля отдельного человека должна была подчиняться вышестоящему начальству, там налицо самая примитивная форма коммунизма — единоличное владение одного правителя или правителей. Частное владение могло здесь развиваться только очень медленно»⁵.

Не менее многозначительным, нежели сомнительное употребление слова «коммунизм» в этом контексте, является данное в примечании 331 к цитированному отрывку указание на «в высшей степени интересную и остроумную книгу» Л. Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques» (Р., 1889). Тем самым становится очевидным не только влияние русского критика общества на молодого Ростовцева⁶: здесь уже затронута тема так называемого восточного деспотизма, т.е. связь между определенными восточными государственными формами и экономическими и общественными порядками, обусловленными великими реками в Двуречье и Египте. Я не хочу сейчас касаться подробно полемики о «восточной деспотии», особенно оживленно ведущейся после работ Карла Витфогеля⁷, я хотел бы затронуть лишь следующий важный для эллинистического Египта аспект, который еще и сейчас сохраняет свое значение. Часто высказывавшееся Ростовцевым мнение о том, что Птолемеи имели в Египте плановое хозяйство, подвергалось критике со многих сторон, особенно же в работах Клер Прео, а затем и ее ученика Жана Бингена, опубликованных после второй мировой войны; они выдвинули тезис, что многие элементы экономической концепции

⁵ Rostovtzeff. Staatspacht. S. 482.

⁶ Лев Ильич Мечников (1838—1888) был исключен из Харьковского университета за участие в студенческом движении в 1856 г. Позднее он участвовал в походах Гарибальди и был при этом тяжело ранен. В качестве публициста, географа и ученого-обществоведа он объездил многие страны, в том числе и Дальнего Востока, и в 1883 г. получил кафедру сравнительной статистики и географии в Академии Невшателя (Швейцария).

⁷ Wittfogel K.A. Die Theorie der orientalischen Gesellschaft // Zeitschrift für Sozialforschung. 1938. 7. S. 90—122; *idem*. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. О дальнейшем развитии этих взглядов см.: Ulmen G.L. (ed.). Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel. Den Haag—Paris—New York, 1978

Птолемеев восходили к греческим, и в частности к афинской, конституциям IV в., которые затем были приспособлены Птолемеями к традиционным отношениям Египта. Но, учитывая это, настоящим неизвестным оказываются египетские отношения. Спорными являются не только характер и значение отдельных египетских инструкций, на которых основывались первые Птолеми, но, как и ранее, до сих пор остается неизвестным, в какой мере традиционное экономическое и социальное устройство Египта было обусловлено так называемой «революцией орошения» или хотя бы необходимостью гибкого и централизованного управления водоснабжением⁸. Другими словами, несмотря на прогресс, достигнутый Ростовцевым и его критиками, мы еще далеки от решения поставленных им в своей книге «Откуп» вопросов относительно птолемеевской государственной системы в связи с хозяйством, основанным на орошении. Проблемы, которые Ростовцев сформулировал почти столетие назад, остаются и сегодня еще так же актуальны, как и тогда, и все еще нерешенными.

Вскоре после того как Ростовцев закончил свой «Откуп», в журнале «Русская мысль» (1900. № 3. С. 195—217) вышла его статья «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире». Она никогда не переводилась Ростовцевым на западные языки и не перерабатывалась для публикации на Западе. Лишь несколько лет назад появился французский перевод К. Депретто-Жанти с заслуживающим внимания введением Ж. Андро⁹. Это исследование интересно тем, что в нем впервые отразились те «модернизаторские» позиции, которые, хотя и в различных вариациях, Ростовцев защищал всю свою жизнь. В дискуссии, затронувшей в то время широкие круги и развернувшейся вокруг исторической теории специалиста в области национальной экономики Карла Бюхера и его понимания античного хозяйства как хозяйства домашнего или ойкосного, Ростовцев решительно принял сторону противоположной стороны, представленной прежде всего Эдуардом Мейером, и, следовательно, выступал за циклическое понимание исторического процесса. Как показывает вышеназванная статья Ростовцева, птолемеевский Египет сыграл определяющую роль в формировании его убежденности в том, что и античность знала капиталистические формы хозяйства. В конкретных деталях выстраивает он ряд сравнений между Александрией во времена эллинизма и Парижем в XVIII в. Любопытно, однако, отметить, что идеи этой статьи, помеченной 19 февраля 1899 г., не были достаточно отчетливо вплетены в ткань немецкого варианта «Откупа», опубликованного немногими годами позже. Ведь для Ростовцева было характерно постоянное сопряжение своих позиций — при всей неизменности основных убеждений — с новыми знаниями и идеями. Отсюда вырастает живое развитие, открытое в некоторых направлениях и стремящееся к новым знаниям. В данном же случае остается удивительным, что Ростовцев в исследовании «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» сближает птолемеевскую систему хозяйствования с капитализмом, хотя в почти одновременно появившемся «Откупе» он связывает эту систему с «самой примитивной формой коммунизма»¹⁰. Конечно, понятия «коммунизм» и «капитализм» выступали тогда не в их теперешней форме. Для Ростовцева они в приложении к птолемеевскому Египту были, вероятно, связаны (или в любом случае не исключали друг друга) таким образом, что монополия собственности правителя на землю и централизованное управление всей хозяйственной жизнью отвечали тогдашним представлениям Ростовцева о коммунизме, в то время как «современные» методы хозяйствования Птолемеев (денежные инвестиции в

⁸ Ср. особенно *Butzer K.W. Early Hydraulic Civilisation in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago—London, 1976*; и с египтологической точки зрения: *Schenkel W. Die Bewässerungsrevolution im alten Ägypten. Mainz, 1978*. В то время как Шенкель вступает в конструктивную полемику с тезисом о «восточной деспотии», монографии Д. Бонно о египетской системе орошения (оставаясь, впрочем, весьма ценными и богатыми по материалу работами) не касаются этих теоретических дискуссий: *Bonneau D. La crue du Nil, divinité égyptienne à travers mille ans d'histoire (332 av. — 641 ap. J.-C.) d'après les auteurs grecs et latins, et les documents des époques ptolémaïque, romaine et byzantine. P., 1964: eadem. Le fisc et le Nil. Incidences des irrégularités de la crue du Nil sur la fiscalité foncière dans l'Égypte grecque et romaine. P., 1971.*

⁹ Pallas // *Revue d'études antiques. 1987. 33. P. 7—40.*

¹⁰ *Rostovtzeff. Staatspacht. S. 482.*

плановое строительство оросительной системы, производственная монополия, бюджетная и налоговая политика и т.д.) приводили к идее сравнения с капитализмом. В любом случае здесь мы можем наблюдать процесс — довольно противоречивый — становления у 30-летнего Ростовцева концепций, которые позже образуют основу его больших трудов.

В годы после появления русского издания «Откуп» (1899) и его немецкой переработки (1902) Ростовцев постоянно расширял круг своих исследований. В центре его внимания находились при этом вопросы римской аграрной истории, исследование тессер, а также историко-археологическое изучение Помпей и Северного Причерноморья. При этом Ростовцев с присущей ему многосторонностью, разумеется, не терял из поля зрения эллинистического и римского Египта. В качестве примера интенсивного занятия египетским кругом тем достаточно назвать хотя бы некоторые из его весьма важных по содержанию рецензий на следующие издания: Wilcken U. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. 2 Bd (Lpz — В., 1899)¹¹; М. Хвостов. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (Казань, 1907)¹²; он же. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте (Казань, 1914)¹³; W. Otto. Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des Hellenismus. 2 Bd (Lpz — В., 1905—1908)¹⁴.

В своей работе «Исследования по истории римского колоната» (далее — Колонат)¹⁵ в 1910 г. Ростовцев снова представил обстоятельный труд, посвященный среди прочего также экономической и социальной истории птолемеевского Египта. Не случайно эта монография вышла в свет в качестве приложения в серии «Archiv für Papyrusforschung», ведь более половины тома посвящено Египту (с. 1—84 — птолемеевскому времени, с. 85—228 — римскому). Эта книга выросла из доклада, который Ростовцев прочел в 1908 г. на Международном конгрессе исторических наук в Берлине. Уже в предисловии автор специально указывает на свою близость к теории Макса Вебера. Снова высказывает Ростовцев свое убеждение, что социально-экономическая история Римской империи может быть понята только исходя из эллинистического и доэллинистическо-восточного развития. Это та же позиция, которая была заявлена уже более десятилетия назад в «Откупе». Для Ростовцева типичны как постоянство в постановке проблемы, так и бесстрашие перед лицом широты и сложности поставленной им самим задачи. «Горизонт, — пишет Ростовцев в предисловии к «Колонату» (с. VI), — казалось, расширялся до бесконечности. Однако эта бесконечность не должна нас устрашать и некоторых исследователей действительно не устрашила».

Идеи, которые в «Откупе» были только намечены, проходят проверку и систематизируются в «Колонате» на широкой источниковой основе. Известна склонность Ростовцева к обобщениям: он охотно проводил широкие параллели, поскольку хотел бесчисленные частности соединить в некоем синтезе и включить их в какую-то схему развития. Наличие этой тенденции благоприятствовало в дальнейшем развертыванию критики, тем более что последняя концентрировалась на теоретических поисках в трудах Ростовцева. Следует, однако, в качестве возражения указать на сдержанность (конечно же, относительную), которую русский ученый придал своим выводам: «Таким

¹¹ Новые данные по истории финансового управления греко-римского Египта // ЖМНП. 1900, март. Отд. II. С. 133—165; Wochenschrift für klassische Philologie. 1900. S. 113—125.

¹² ЖМНП. 1907, октябрь. Отд. II. С. 382—413; ср. частично совпадающую по содержанию работу: Rostowzew M. Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im ptolemäisch-römischen Ägypten // Archiv für Papyrusforschung. 1908. 4. S. 298—315.

¹³ ЖМНП. Новая серия. Часть LIII. 1914, октябрь. С. 348—369.

¹⁴ Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1909. 171. S. 603—642.

¹⁵ Studien zur Geschichte des römischen Kolonates // Archiv für Papyrusforschung. Lpz — В., 1910. Beiheft 1 (далее — Колонат).

образом, у нас нет возможности описать различные явления аграрной жизни в количественном отношении... Поэтому мы должны быть особенно осторожными при количественном анализе факторов, действовавших в аграрной жизни Египта, и не должны ничего обобщать. То, что имеет значение для Фаюма, может быть иным уже в Дельте и уж совсем иным в Фиваиде. Поддается констатации нечто иное, а именно *типы*, которые определяли аграрную жизнь птолемеевского Египта, аграрная политика государства, а также, вероятно, некоторая эволюция в аграрных отношениях и в государственной аграрной политике» (Kolonat, S. 78 f.). Этот тип состоит, по мнению Ростовцева, в том, что царь был единоличным собственником всей земли; если даже и существовало частное владение в различных формах, то всякая частная *собственность* совершенно исключалась. Царь и государство едва ли различались, «так что можно было, в зависимости от желания, употреблять то или иное слово» (с. 79). Для представления Ростовцева о развитии Египта характерно, что он предполагал в птолемеевское время полное крушение «ленных владений египетской знати» (с. 80); в то же время на основе владения землей образовывалась «новая аристократия, или, точнее, земельная буржуазия клерухов и катэков» (с. 83). Причина того, что эта буржуазия не могла свободно развиваться, лежала, по Ростовцеву, в «постоянном вмешательстве государства в частную жизнь и частное хозяйство» (с. 84). Таким образом, тема противоречий между буржуазией и государственным принуждением, столь типичная для Ростовцева после 1917 г., коренилась в его концепции еще до Октябрьской революции¹⁶.

Хотя в период между 1910 и 1917 гг. интерес Ростовцева к эллинистическому Египту несколько не пропал¹⁷, все же другие темы выдвинулись в эти годы на первый план: в 1911 г. появилась его большая работа об эллинистическо-римском архитектурном ландшафте, продолжив линию его прежних исследований о помпейских и римских виллах (1904 г.). Заслуживает большого уважения уже сама способность параллельно исследовать две такие кардинально расходящиеся научные темы, как колонат и эллинистическо-римская живопись, и развивать их дальше, опираясь на собственные оригинальные плодотворные побуждения. Но еще и в третьей области Ростовцев одновременно добился удивительных успехов — в истории и археологии Северного Причерноморья. Опуская множество частных статей по этой проблеме, укажем здесь лишь три значительные монографические публикации: «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913); «Эллинизм и иранство на юге России» (СПб., 1918)¹⁸ и «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических»¹⁹ (I том книги был завершен также до эмиграции, но появился только в 1925 г. в Ленинграде). В задачу настоящей статьи не входит характеристика вклада Ростовцева в исследование Северного Причерноморья. Здесь также плодотворное соединение всеобъемлющей исторической концепции с основательным знанием всех относящихся к теме источников привели к результатам, которые из-за недостатка компетенции или интереса не всегда в достаточной степени оценивались западными антиковедами.

¹⁶ Я бы хотел специально указать на прекрасный историографический обзор исследований о колонате, написанный А. Марконе: *Marcone A. Il colonato tardoantico nella storiografia moderna* (de Fustel de Coulanges ai nostri giorni). Como, 1988 (Biblioteca di Athenaeum, 7); о Ростовцеве см. с. 49—80: *La prospettiva ellenistica: Rostovtzeff*. См. его же публикацию: *Rostovtzeff e il colonato romano. Critica storica // Bolletino A.S.E.* 1989. 26. P. 75—114, содержащую итальянский перевод опубликованной в «Современном мире» (1911, с. 260—280), статьи Ростовцева, дающей общую ориентацию в проблеме, а также введение Марконе.

¹⁷ Ср. упомянутую в прим. 13 рецензию на монографию Хвостова о текстильной индустрии в греко-римском Египте.

¹⁸ Английская обработка: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922.

¹⁹ Немецкий перевод появился в 1931 г. в Берлине. В последнее время В.Ю. Зуевым были изданы части никогда не публиковавшегося второго тома из оставленной Ростовцевым при эмиграции в России рукописи: ВДИ. 1989. № 1. С. 191—210; № 2. С. 182—197; № 3. С. 183—203; № 4. С. 124—133; 1990. № 1. С. 175—183. Издание этих глав в форме книги: *М. Ростовцев. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства* запланировано издательством «Наука».

Я не хочу здесь подробно рассматривать значение Октябрьской революции для Ростовцева и его горький опыт эмигранта. Этому посвящено недавно вышедшее не только содержательное, но и захватывающее исследование нидерландского историка М.А. Веса²⁰. Кто заглянет в эту книгу, сможет составить точное представление о разочаровании, которое пережил Ростовцев в период между эмиграцией из России и его переселением в США в 1920 г. Известно, что несмотря на дружеское отношение к нему, Ростовцев не нашел в Великобритании и, в частности, в Оксфорде того признания, на которое он мог рассчитывать. Я упоминаю об этом лишь с целью обрисовать атмосферу, в которой появлялась его статья «Основы социально-экономической жизни в эллинистическом Египте»²¹. В основе этой статьи лежал доклад, прочитанный им в Оксфордском Филологическом обществе (Oxford Philological Society). Отношение Ростовцева к *genius loci* и его раздраженное настроение хорошо характеризует то обстоятельство, что своим рассуждениям он предпосылает несколько агрессивную апологию: «Много лет интенсивного изучения истории древнего мира убедили меня в том, что одной из наиболее значительных эпох в эволюции мира был эллинистический период, т.е. три века после Александра Великого. Я уверен, что если мы стремимся понять особенности греческого гения и последующую историю цивилизации, эта эпоха для нас столь же важна, как период расцвета греческих полисов и время римской мировой империи. Я не буду повторять хорошо известные истины, но я должен подчеркнуть два основных момента, на которые даже в таком блестящем центре классических исследований, как Оксфорд, обращается, пожалуй, недостаточно внимания»²². Я не могу здесь подробно излагать содержание статьи, для нашей же темы интересны прежде всего результаты, к которым приходит автор. В том, что касается Египта, они находятся в русле предшествующих взглядов Ростовцева, изложенных еще до Октябрьской революции: «Если мои выводы верны, мы можем развернуть очень показательную общую картину экономического и социального положения птолемеевского Египта. В первый раз мы сталкиваемся с широким и систематическим планом национализации всей экономической жизни страны. Какими были результаты этого эксперимента? Государство, конечно, сильно обогатилось благодаря этой системе. Египет в сравнении с другими эллинистическими государствами и даже с Римом всегда был самым богатым. Птолемеи были всемирными банкирами, и они были вполне способны использовать свое финансовое могущество. Но это могущество было односторонним. На деньги можно было купить армию или флот, на них можно было построить прекрасную столицу с роскошными зданиями и садами, на эти деньги Птолемеи могли организовать блестящие церемонии и празднества; но деньги не могли создать прочной власти. Для духа нации было характерно безразличие — пассивное послушание слуг, у которых отсутствовали всякая инициатива, всякое воодушевление, всякий патриотизм, все мысли которых полностью концентрировались на проблемах хлеба насущного и экономической выгоды. Это умонастроение масс, завоеванных греками, Птолемеи мало-помалу внедрили самим грекам-завоевателям. Греческие солдаты, которые стали полузависимыми крестьянами, уже во втором поколении теряли свою энергию и постепенно и незаметно для себя самих проникались духом тех, кого они покорили» (там же, с. 170).

Так же типичным для его уже гораздо раньше выработанного убеждения является

²⁰ См. прим. 1.

²¹ The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times // JEA. 1920. 6. P. 161—178.

²² Ibid. P. 161. Очень показательное для самооценки Ростовцева и его метода помещенное в «Notes and References» заключительное замечание: «Я полностью сознаю, что эта попытка может устареть уже через несколько месяцев после публикации... Тем не менее исследование, которое я предпринял, кажется мне небесполезным. Мои обобщения могут быть, вероятно, слишком далеко идущими, моя картина — слишком определенной и четкой, мои объяснения фрагментарного материала частично неверными, но несомненно, что всякая попытка обрисовать общие черты целой эпохи, если она основывается на тщательном непосредственном анализе всего доступного материала, имеет свою ценность. Такой анализ проясняет иногда запутанные идеи узко специализированных исследователей и издателей новых материалов, вызывает дискуссии и приводит многие частные вопросы к разумному решению» (Ibid. P. 172).

то, что Ростовцев и в этой работе ставит развитие Римской империи в тесную связь с эллинистическим Востоком: «Тем не менее достижения Птолемеев в Египте оказали большое воздействие на будущее развитие. Греки при своем образе мышления и организационном таланте систематизировали бесформенные основы восточного и особенно египетского государства. Птолемеевская система была сначала заимствована римскими императорами. Со временем же они приспособили эту систему ко всей огромной Римской империи, хотя и не без некоторых отклонений и вариаций. "Все для государства и все посредством государства" также стало их максимой; и мы видим, как некоторые особенности политической, социальной и экономической организации Египта были органично развиты в Риме. Где раньше были свободные землевладельцы, там постепенно появлялись "колоны"» (там же, с. 170 сл.)²³. Мы констатируем, что Ростовцев здесь в некотором противоречии со своими прежними (как, впрочем, и позднейшими) взглядами слишком преувеличивает значение предпринимательского духа греков по сравнению с «бесформенными основами восточного и особенно египетского государства»²⁴. Доля египетских традиций по сравнению с македонско-греческими новациями в птолемеевском Египте — вопрос, в любом случае трудно-разрешимый, так как прежде всего непосредственно доэллинистическую фазу, а также раннеэллинистический Египет (между 332 и 280 гг.) мы знаем не так хорошо, как последующие десятилетия. Неудивительно, что и Ростовцев колебался в определении этих традиций и их влияния.

Но вернемся к вышеупомянутому оксфордскому докладу. Некоторые острые выражения в нем следует, вероятно, отнести за счет переживаний в эмиграции и разочарования в ходе новейшей русской истории. Заключительные слова доклада приводят к серьезному и фундаментальному вопросу: «Идеи античного мира были восприняты новыми европейскими народами, которые были потомками жителей римских провинций. Античная культура была прототипом новоевропейской культуры, и несколько столетий спустя были поставлены те же вопросы, которые античный мир оказался не в состоянии разрешить: "существует ли индивидуум для государства или государство существует для того, чтобы гарантировать индивидууму свободное развитие его творческих сил?"» (с. 171). Сформулированный здесь вопрос не был, как показывают работы Ростовцева «Откуп» и «Колонат», чем-то новым для его усилий понять историю, но он содержит здесь более общий и почти патетический поворот, на который несомненно повлияли впечатления от революции и который возвещает лейтмотив книги «Социально-экономическая история Римской империи», опубликованной несколькими годами позже (1926).

В беспокойные годы странствий, когда вызревал только что названный труд, Ростовцев нашел в себе силы написать еще одну книгу о другом предмете и издать ее уже в 1922 г. — «Большое поместье в Египте III в. до н.э. Исследование экономической истории»²⁵. Темы, которым посвящена эта монография, занимали Ростовцева уже давно: образование и функционирование птолемеевской экономической системы, отношения государства и частной инициативы, влияние греков на структуры Востока. Но источники, на которых основывается это новое исследование, были обнаружены в египетском Фаюме только в 1915 г. Речь идет о тех папирусах, которые известны как «архив Зенона», точнее о деловых бумагах и других материалах карийца Зенона, который находился на службе у Аполлония, двоюродного Пто-

²³ Органическую связь между эллинистическими монархиями и Римской империей Ростовцев хотел показать в отдельной работе. Запланированная книга должна была называться «Studies in the Economic Conditions of the Hellenistic and Roman World». См. указание на это в кн.: *Rostovtzeff M. A Large Estate in Egypt in the Third Century B.C. A Study in Economic History* (University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, 6). Madison, 1922 (далее — *A Large Estate*). P. 128. № 95. Членение этого проекта привело в последующие годы к опубликованию двух отдельных трудов: «Социально-экономическая история Римской империи» (1926) и «Социально-экономическая история эллинистического мира» (1941).

²⁴ Ср., однако: *A Large Estate*. P. 3 f., 126—128: «Птолеми в Египте унаследовали от фараонов хорошо разработанную административную и экономическую систему...» (p. 126).

²⁵ *A Large Estate* (см. прим. 23).

лемея II и помимо прочего управлял его доменом (dorea) в арсиноитском номе²⁶. Ростовцев хорошо сознавал, что к этому моменту была опубликована лишь часть папирусов и что ожидаемые издания принесут много новых точек зрения, а также потребуют некоторой коррекции. И все же его ответ на возможную коррекцию своих взглядов благодаря новым текстам был весьма характерен как в позитивной оценке того, чего он был в состоянии достичь, так и в готовности отказаться от положений, которые оказались бы несостоятельными: «И все же я решил заняться этим вопросом незамедлительно и опубликовать результаты своего исследования. Меня побуждают поступить так следующие причины. Мы уже располагаем достаточным материалом для выработки понимания переписки как целого, и то понимание, которое я выработал, внимательно изучая опубликованные документы, сильно отличается от того, какое сложилось у издателей документов. Поэтому я хотел бы познакомить издателей новых документов с моим пониманием, сделать его объектом критики, и тем самым облегчить их труд по изданию новых текстов, поскольку чтение новых частей источника, его комментирование и интерпретация в большой степени зависят от правильного понимания серии как целого. Кроме того, я не боюсь допустить ошибки. Я был бы очень рад исправить мои утверждения в свете любых новых сведений и модифицировать мои мнения»²⁷.

Четкое определение своих позиций, заметное уже в докладе 1920 г. об основах общественной и экономической жизни в эллинистическом Египте и характерное затем для «Социально-экономической истории Римской империи», можно наблюдать уже в «A Large Estate». Египет для Ростовцева — это большой домен, ойкос сначала фараонов, позже Птолемеев. Подобный же тип ойкоса повторяется, по Ростовцеву, в dorea Аполлония, ведь Ростовцев рассматривает домен диойкета как весьма типичный для всего Египта, хотя он и ограничен только частью Фаюма. Поместье Аполлония для него — это не что иное, как уменьшенная копия царского хозяйства-ойкоса; таким же образом управленческий орган Аполлония представлял собой подражание в миниатюре царскому придворному кабинету. Предпринимательский дух в окружении Аполлония был направлен преимущественно на личное обогащение, и таким же представляется Ростовцеву общее поведение греков в раннюю эпоху Птолемеев. Таким образом, олицетворяемый Аполлонием тип ни в коем случае нельзя рассматривать как продолжение древнеегипетских ленных владетелей (с. 143). Скорее диойкет был «крупным капиталистом» (с. 126), который своим доменом управлял как «частным капиталистическим предприятием» (с. 133). В поисках возможных параллелей Ростовцев прибегает к русской истории: «Я не имею в виду феодальных сеньоров в Средние века; их положение было совершенно иным и имело иные исторические корни. Я имею в виду держателей земли в России, особенно в XVI и XVII вв., до того времени, как они получили из рук царя свои земли и людей в полную собственность. Подобно владельцам египетских домен они были временными держателями своих земель, пока они служили государству; земля оставалась собственностью царя» (с. 144). Нельзя было бы выразить более ясно его циклическое понимание истории. Уже в античности, в данном случае в Египте, Ростовцев хотел видеть смену более древнего феодального порядка с его ленной сущностью на капиталистически окрашенную структуру хозяйства и общества. И все же при всей силе убедительности набросанной им схемы развития остается открытым ряд основополагающих вопросов. Во-первых, нарисованная Ростовцевым картина доптоле-

²⁶ Подробно ориентирует в проблеме книга: Pestman P.W. (ed.). A Guide to the Zenon Archive (Papirologica Lugduno-Batava, 21). 2 vol. Leiden, 1981.

²⁷ A Large Estate. P. 7. Несмотря на это откровенное допущение ошибочности интерпретации Ростовцев все же не был человеком, который без боя сдает раз занятую позицию. При всей гибкости в отдельных частностях он считал чрезвычайно важным в главном придерживаться изначально избранного верного пути. Так, в работе «A Large Estate» на с. 140 он прямо указывает на свой ранний труд «Откуп», появившийся в немецкой версии в 1902 г.: «Я полностью сохраняю основные идеи этой моей книги, хотя некоторые ее части уже устарели и должны быть переписаны в свете новых данных».

меевского Египта не является точной и свободной от противоречий. Не существует строгих доказательств его феодального характера. Современная наука также не имеет убедительного решения этой проблемы. Во-вторых, тезис о капиталистической структуре раннептолемеевского Египта остается также спорным. Как раз по этому пункту разгорелась, как мы еще увидим позже, критика «антимодернистов».

Покинем, однако, на некоторое время Египет и последуем вслед за Ростовцевым к его новым задачам и темам. Особенно заинтересовала русского историка проблема контактов греков и иранцев, поскольку сама Россия, вернее Северное Причерноморье, давала в своей истории и в своих археологических памятниках картину такой встречи греков и иранцев, т.е. исторического процесса, который, по убеждению Ростовцева, был весьма важен для понимания собственно русской истории. Эту точку зрения он отчетливо выразил в своей книге «Iranians and Greeks in South Russia», которая вышла в свет в 1922 г. в Оксфорде, т.е. в тот же год, что и только что рассмотренное исследование о египетском домене Аполлония. Наблюдение за существенными различиями между Россией и западноевропейским развитием в средние века привело Ростовцева к утверждению, что «Россия» пошла с самого начала классической античности другим путем: «Ошибочно начинать историю России вместе с русскими летописями в девятом веке, т.е. путать историю России с историей славянского племени. История России как экономического и политического организма гораздо древнее, чем самые ранние упоминания славян. Россия как страна существовала гораздо ранее девятого века и являлась частью цивилизованного мира уже в классический период и в период миграции. В эту эпоху уже были заложены основные черты ее будущей эволюции. Поэтому мы должны рассматривать историю России не как историю славянского племени, а как историю страны России»²⁸. Ростовцев заканчивает свою книгу проникновенными словами о России, которые, вероятно, известны только немногим и поэтому должны быть здесь воспроизведены, не в последнюю очередь в связи с начавшимся в настоящее время на его родине пересмотром значения великого русского историка: «Славянское же племя преуспело в одном важном деле, которого не смогли или не захотели осуществить ни фракийцы, ни иранцы, ни германцы, ни монголы. Для этих народов Россия была лишь средством для достижения их главной цели — завоевания Западной Европы. Для славян же Россия была конечной целью и стала их страной. Они связали себя с этой страной навечно, и Россия обязана им не только своим именем, но и своей особенной государственностью и цивилизацией» (там же, с. 222).

Со времени своей эмиграции Ростовцев, который так много сделал для изучения Южной России²⁹, был отрезан от района его исследований. Тем с большей благодарностью и энергией воспользовался он предоставившейся ему возможностью продолжить начиная с 1928 г. раскопки в Дура-Эвропос, ранее проводившиеся французской экспедицией, ведь находки из этого города могли высветить новые перспективы в изучении контактов между греками и иранцами³⁰. Но и эта очередная большая задача не смогла помешать исполнению плана Ростовцева дополнить вышедшую в 1926 г. «Социально-экономическую историю Римской империи» таким же трудом для эллинистической эпохи и тем самым осуществить задуманное много лет тому назад. Конечно, до этого должно было пройти еще некоторое время. В этот период появились предварительные разработки, некоторые из них напрямую касались нашей узкой темы — эллинистического Египта. Здесь следует хотя бы кратко охарактеризовать эти работы. В том же 1928 г., когда Ростовцев возглавил раскопки в Дура-Эвропос, он представил в «Cambridge Ancient History» восторженное, не ограничивающееся только общественно-экономической тематикой изложение истории пто-

²⁸ Rostovtzeff. *Iranians and Greeks ...* P. 211.

²⁹ См. об этом библиографии работ Ростовцева: *Historia*. 1956. 5. S. 361—364, 380 ff. (Welles); 1987. 36. S. 2 f. (Gilliam).

³⁰ Этот аспект Ростовцев подчеркивает в своей автобиографической заметке, изданной Уэллзом: Michael Ivanovich Rostovtzeff (1870—1952) // *The Russian Review*. 1953. 12. P. 128—133, cp. p. 131.

лемеевского Египта³¹. Более широкие рамки, в которые он был поставлен здесь, позволили Ростовцеву затронуть и такие аспекты, которых он до сих пор не разрабатывал. Его выводы относительно политики Птолемеев лишены иллюзий. Подчеркивая большие экономические достижения Птолемеев прежде всего в III в., он несколько не замалчивает гибельного положения, в котором оказались местные египтяне: «На египетском фундаменте они построили свое здание, в котором все верхние этажи были отведены для проживания иностранцев, а подвалы оставлены для местных жителей». Но творческие прежде силы греков с течением времени, по его мнению, истощились. Под знаком «широкомасштабного государственного социализма» держава Птолемеев перешла, согласно Ростовцеву, к тому, чтобы «оказывать давление даже на высший класс, которому пришлось испытать на себе сомнительное счастье национализации, доведенной до крайности»³².

От некоторых слишком смелых позиций Ростовцев в дальнейшем отошел. Так, он несколько смягчил свое утверждение о всеобъемлющей монополизации Птолемеями египетской торговли в своей статье «Иностранная торговля Птолемеевского Египта»³³, опубликованной в 1932 г. Основания для пересмотра своих взглядов возникли у него самого, главным образом, в процессе составления им в это же время комментария к папирусу P. Tebt. 703 — известным и с тех пор часто обсуждаемым «Наставлениям диоикета своему подчиненному»³⁴.

Далее я (как делал это в отношении и предшествующих лет) не буду разбирать каждую работу Ростовцева об эллинистическом Египте, а сразу обращусь к последнему большому труду ученого — «Социально-экономической истории эллинистического мира»³⁵. И все же, прежде чем мы займемся этой *summa historica* и местом, которое занимает в ней Египет, следует сказать несколько слов о другой книге, которая тесно связана с трудами Ростовцева об обществе и экономике Птолемеевского Египта, — монографии бельгийской исследовательницы Клер Прео «Царская экономика Лагидов»³⁶. Наряду с трудами Ростовцева «L'économie royale» представляет собой обстоятельную работу о птолемеевском хозяйстве, которую до сих пор, спустя более полувека после ее появления, не смогло заменить никакое иное исследование. Во многих решающих моментах «L'économie royale» основывается на работах Ростовцева. Это следует не только из изложения книги К. Прео, но и из ее собственных слов, помещенных в предисловии. Особенно это относится к оценке архива Зенона как одного из важнейших собраний сведений об истории хозяйства Птолемеев. Насколько высоко оценивает такой знаток, как К. Прео, 25 лет спустя после появления «A Large Estate» заслуги Ростовцева как первопроходца, отваживавшегося писать об этом до окончания публикации папирусов Зенона, видно из ее небольшой работы «Греки в Египте по архиву Зенона»³⁷: «С момента публикации первых частей архива Зенона господин М.И. Ростовцев показал... исключительную важность этих текстов. Из нескольких сотен писем и счетов он смог создать синтез экономической истории с такой неоспоримостью, что тысяча новых документов, опубликованных с того времени, могли бы стать частью этого синтеза почти без всякого изменения в структуре труда. Следующие страницы многим обязаны этой великой книге» (с. 4).

С другой стороны, и для «Социально-экономической истории эллинистического мира» полезной оказалась незадолго до нее опубликованная «L'économie royale». Ростовцев читал книгу Прео еще до ее появления, в корректурах³⁸, и ссылается в

³¹ САН. VII. Camb., 1928. Ch. IV. Ptolemaic Egypt. P. 109—154.

³² Все цитаты из САН. VII. P. 153 f.

³³ *Rostovtzeff M. Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt // Journal of Economic and Business History. 1932. 4. P. 728—769.*

³⁴ *Hunt A.S., Smyly J.G. (Ed.) The Tebtunis Papyri. V.III. Pt I. L., 1933. P. 66—102.*

³⁵ См. прим. 2. Новое издание труда обязано усилиям П.М. Фрэзера (P.M. Fraser. Oxf., 1953).

³⁶ *Préaux Cl. L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. (далее — L'économie royale).*

³⁷ *Eadem. Les Grecs en Égypte d'après les archives de Zénon. Bruxelles, 1947.*

³⁸ См. *L'économie royale. P. 7.*

собственном труде³⁹ на свою бельгийскую предшественницу. Это тесное соприкосновение первой работы К. Прео и зрелого труда Ростовцева не мешало все же бельгийской исследовательнице вырабатывать теперь собственные весьма самостоятельные позиции и постепенно все более и более освобождаться от влияния Ростовцева.

Однако я не хотел бы забегать вперед — сначала необходимо обсудить «Социально-экономическую историю эллинистического мира» с точки зрения моей узкой темы — эллинистического Египта. Впечатление о значительном месте, которое занимает Египет в этом труде, создается уже при подсчете объема раздела, посвященного стране Нила. Из 1025 страниц, на которых описываются различные стороны эллинистического мира, целых 257 страниц, т.е. одна четверть, посвящены Египту⁴⁰. В заключительной части работы⁴¹ Египет также играет ведущую роль. Это отнюдь не праздная игра в числа: этот пример помогает понять также значение папирологии в общих рамках эллинистической истории. Подобное напоминание может быть излишним потому, что в последние годы, особенно в Германии, наблюдается некое обособление папирологии от исторической науки. При подобном развитии обе дисциплины могут только понести ущерб⁴².

Конечно, в рамках статьи невозможно хоть в какой-то степени адекватно передать богатство сведений и интерпретаций в «Социально-экономической истории эллинистического мира». Полнота обработанных источников, бесчисленные импульсы, которые читатель получает от впервые созданного Ростовцевым синтеза, наконец, постоянное восхождение от частного к синтезу кажутся мне важнейшими преимуществами этого труда. Чрезвычайно плодотворной и редко встречающейся является способность Ростовцева органично вводить археологические свидетельства в историческую проблематику и изложение. Даже если не все его положения и концепции нашли сочувствие, то возникавшие дискуссии вовсе не умаляют бесчисленные частные интерпретации и общие характеристики, к которым Ростовцев пришел в результате интенсивного изучения источников и научной литературы. В этом отношении «Социально-экономическая история эллинистического мира» не устарела и, разумеется, не превзойдена до сих пор.

Так как Ростовцев нелегко расставался со своими главными убеждениями, неудивительно, что при всех модификациях в частности он и в этом последнем большом труде повторял свои уже ранее выдвинутые основные положения. Это становится ясным при знакомстве с его характеристикой позднептолемеевского правительства: «Снова правительству понадобилось время, чтобы превратиться в бесчеловечную машину, а бюрократии — чтобы научиться, как можно угнетать население без особой опасности для угнетателей» (SEHNW. II. P. 914). Он энергично защищает против возможных (и действительно имевших место) упреков в перенесении современных ситуаций в античные отношения: «Предложенная выше интерпретация хода истории Птолемеев, не один раз излагавшаяся мною в прошлом (в моем «Откупе» [1902], моем «Колонате» [1910] и во многих статьях), критиковалась некоторыми выдающимися учеными как тенденциозная и основанная на ошибочных аналогиях с определенными событиями современной истории. Но моя точка зрения, высказанная задолго до того, как стало возможным предвидеть подразумеваемые события, опирается исключительно на анализ источников и остается в основном неизменной» (SEHNW. II. P. 914, прим.).

По Ростовцеву, государство первых Птолемеев характеризуется главным образом централизацией и контролем; свободная игра экономических сил и хозяйственная

³⁹ SEHNW. I. P. 274.

⁴⁰ Ibid. P. 255—422; II. P. 705—736, 870—929.

⁴¹ Ibid. Summary and Epilogue. II. P. 1026—1312.

⁴² Эти тенденции я попытался недавно проанализировать (*Heinen H. L'Égypte dans l'historiographie moderne du monde hellénistique // Criscuolo L., Geraci G. Egitto e storia antica. Dall'ellenismo all'età araba. Bilancio di un confronto. Bologna, 1989. P. 105—135*).

частная инициатива допускались лишь в очень ограниченной мере (SEHNW. I. P. 273). Провалы во внутреннем и внешнем развитии принудили Птолемея с конца III в. ограничить государственную власть в пользу частного сектора и жречества. И все же централистскую направленность исходного положения и ее отрицательные последствия уже нельзя было преодолеть во II и I веках. Поэтому постепенный закат эллинистического Египта был неизбежен. Ростовцев, конечно, понимает комплексный характер движущих сил подобного развития, и все же решающими в его глазах были следующие факторы: «На мой взгляд, решающим было настроение населения, особенно настроение низших классов. И это настроение создавалось постепенно и медленно под влиянием определенных сторон египетской жизни, о которых я уже говорил. Кратко их можно было бы представить следующим образом: экономическое угнетение трудящихся классов; разделение населения Египта на две группы, одна — привилегированная в социальном и экономическом отношении и состоящая в большей степени из иностранцев, и другая, рассматриваемая правительством в основном как источник доходов, как рабочая сила, необходимая для производства товаров; противоречие между экономической, социальной и "политической" организацией жизни этих двух классов, которое нашло свое выражение в делении Египта на πόλις и χώρα, на γῆ βασιλική и γῆ ἐν ἀφῆσει, на λαοί и Ἕλληνες...» (SEHNW. II. P. 913).

Кто знакомится с этими строками и со многими подобными рассуждениями Ростовцева, не сможет с чистой совестью утверждать, что вся симпатия историка на стороне буржуазии и правящих слоев птолемеевского государства. Ростовцев не устает указывать на упущения «правлящего класса». Его «материализм» и неспособность наладить длительное действенное сотрудничество с массами являются в глазах Ростовцева важной причиной заката эллинистического Египта.

Избираемые Ростовцевым понятия и некоторые элементы его концепции, очевидно, испытали влияние марксизма, как бы Ростовцев ни отвергал марксизм в научном и политическом плане. Здесь проявляются довольно глубокие противоречия в мышлении Ростовцева. Политическая оппозиция к марксизму после Октябрьской революции, глубокое разочарование в развитии советского государства и, конечно, ожесточенность эмигранта должны были, несомненно, препятствовать спокойной оценке марксистского влияния на собственную концепцию и приводить, таким образом, к некоторым непоследовательностям в работе Ростовцева. И все же следует констатировать, что несмотря на всю близость к отдельным марксистским понятиям и представлениям Ростовцев постоянно отстаивал циклическое понимание истории и отклонял примат экономики. Тем самым он находился в фундаментальной оппозиции к основополагающим моментам марксистского учения. И все же я не хотел бы здесь останавливаться подробнее на этих вопросах, тем более что позже я еще буду говорить о полемике советских историков древнего мира с воззрениями Ростовцева на эллинистическую историю.

Здесь также не место систематически описывать влияние трудов Ростовцева. Для этого нужно было бы взвешенно представить и оценить признание и критику в самых различных областях и на самых разных уровнях интерпретации. Даже если ограничиться эллинистическим Египтом, это была бы тема как минимум отдельной статьи. Несогласие с концепцией Ростовцева, как известно, острее всего проявилось по отношению к его «Социально-экономической истории Римской империи»; но под критику общего порядка попала также и «Социально-экономическая история эллинистического мира»⁴³. Впрочем, общая концепция последнего труда вызвала не столь сильную негативную реакцию. Возможно, это объясняется тем, что, с одной стороны, позиция Ростовцева стала за эти годы более взвешенной и он сам дальше отошел от событий 1917—1918 гг., с другой же, тем, что материал книги об эллинизме был более

⁴³ Ранний пример тому см.: *Reinhold M. Historian of the Classic World: a Critique of Rostovtzeff* // *Science and Society*. 1946. 10. P. 361—391; см. также принципиальную критику в рецензии Уолбанка на книгу Ростовцева об эллинизме: *Walbank F.W.* // *The Classical Review*. 1942. 56. P. 81—84.

сложным⁴⁴. Что же касается птолемеевского Египта, то основательной критики можно было ждать только от папирологов и только от тех из них, кто занимался вопросами хозяйства и общеполитического развития. Из этого узкого круга компетентных критиков прежде всего следует назвать Клер Прео, которая при всей высокой оценке заслуг Ростовцева⁴⁵, шаг за шагом ревизовала его позиции. Эта всегда конструктивная критика бельгийской исследовательницы разбросана по многочисленным статьям, из которых следует особенно упомянуть два больших историографических обзора о птолемеевском хозяйстве⁴⁶. Работы К. Прео завершились собственным большим и совершенно оригинально написанным трудом «Эллинистический мир. Греция и Восток от смерти Александра до римского завоевания Греции (323—146 гг. до н.э.)»⁴⁷.

Положение Ростовцева о плановом характере хозяйства птолемеевского Египта стало одним из центральных пунктов критики. Ростовцев опирался в обоснование этого на большое число источников, которые он интерпретировал в таком смысле, но особое значение придавал так называемому «Податному уставу» (Revenue Laws) Птолемея II, а также уже упомянутому выше папирусу P. Tebt. 703 и особенно одному месту из него (строки 57—60), из которого, по мнению Ростовцева, можно извлечь информацию о посеве зерна, производимом согласно государственному плану: «Крестьянин не был свободен обрабатывать свою землю по собственному желанию. Специальная инструкция (διαγραφή σφόρου) регулировала землеобработку в соответствии с плановой экономикой государства. Порядок был строг, и эконом был призван исполнять его»⁴⁸. С тех пор «Податный устав», а также папирус P. Tebt. 703 получили новую интерпретацию, существенно отличающуюся от ростовцевской. Я могу назвать здесь лишь некоторые основные работы, например, новую оценку распоряжений о посеве зерновых Пьера Видаль-Наке⁴⁹, а также новую интерпретацию «Податного устава» Жана Бингена⁵⁰, выросшую из многочисленных частных работок автора. Архив Зенона, который имел такое большое значение для понимания птолемеевского хозяйства и общества у Ростовцева, также остается предметом интенсивных исследований, которые открывают новые перспективы⁵¹.

В этой связи я хотел бы коснуться реакции некоторых советских исследователей на концепцию эллинистической истории и особенно птолемеевской экономики у Ростовцева, тем более что эти советские работы мало известны на Западе. По общим вопросам «Социально-экономической истории эллинистического мира» высказался

⁴⁴ Конечно, находились также и критики ослабления подобной политической окраски, которые сожалели, что Ростовцев в своем последнем труде не выступал уже как прежде в качестве «standard-bearer of new ideas and methods» (Heichelheim F.M. // JHS. 1943. 63. P. 129).

⁴⁵ См. кроме ее вышеприведенных отзывов также ее рецензию на «Социально-экономическую историю эллинистического мира» (СЧЕ. 1947. XXII. 43. P. 378—383), а также ее некролог о Ростовцеве (Ibid. 1954. XXIX. 57. P. 183—190).

⁴⁶ Préaux Cl. L'économie lagide: 1933—1958 // Proceedings of the IX International Congress of Papyrology. Oslo, 1961. P. 200—232; cf. p. 216 sqq.; eadem. Epoque hellénistique // Troisième Conférence Internationale d'Histoire Economique (Munich, 1965). Den Haag, 1970. P. 41—74; cf. Lenger M.-Th. Bibliographie des travaux de Claire Préaux (Université Libre de Bruxelles, Centre de Papyrologie et d'Épigraphie Grecque). Bruxelles, 1980.

⁴⁷ Préaux Cl. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323—146 av. J.-C.) 2 vol. P., 1978. В I томе (с. 358—388) автор предлагает новый взгляд на «царскую экономию», причем не только Египта, но и эллинистических монархий вообще.

⁴⁸ SEHNW. I. P. 279.

⁴⁹ Vidal-Naquet P. Le bordereau d'ensemencement dans l'Égypte ptolémaïque (Papyrologica Bruxellensia, 5). Bruxelles, 1967. И все же дискуссия не закончена, как показывает недавнее исследование ученицы Видаль-Наке, Э. Кювиньи: Cuvigny H. L'arcentage par espèces dans l'Égypte ptolémaïque d'après les papyrus grecs (Papyrologica Bruxellensia, 20). Bruxelles, 1985.

⁵⁰ Bingen J. Le papyrus Revenue Laws — tradition grecque et adaptation hellénistique (Rheinisch-Westfälische Akad. der Wiss. Geisteswissenschaften. Vorträge G 231). Opladen, 1978.

⁵¹ Reekmans T. La sitométrie dans les archives de Zénon (Papyrologica Bruxellensia, 3). Bruxelles, 1966; Orrioux Cl. Les papyrus de Zénon. L'horizon d'un grec en Égypte au IIIe siècle avant J.-C. P., 1983; idem. Zénon de Caunos, parepidémos, et le destin grec (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 320). P., 1985. См. также изданную П.У. Пестманом работу (см. выше прим. 26).

известный советский историк древнего мира А.Б. Ранович. Несмотря на многочисленные положительные оценки по частным вопросам, у него перевешивает вырастающее из идеологических мотивов неприятие основных положений Ростовцева⁵².

Для нашей же более узкой темы гораздо существеннее соответствующие монографии К.К. Зельина и Н.Н. Пикуса. Первое большое советское исследование проблем птолемеевской социально-экономической истории принадлежит перу К.К. Зельина «Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры» (М., 1960). Как и Ранович, Зельин выказывает большое уважение к научным достижениям Ростовцева, но в оценке фактов проявляются характерные различия. Критика Зельина подчеркнута деловая и никогда не опускается до шаблонной полемики. Особенно он упрекает Ростовцева в концептуальных слабостях: хотя последний рассматривал эллинистическую историю в рамках расцвета и заката, однако при использовании определенных концептуальных понятий, таких, как «prosperity» или «balance» не прослеживается единой ясной линии и поэтому Ростовцеву не удалось убедительно показать процесс расцвета и заката эллинизма. Зельину не импонирует также завышенная оценка буржуазии, которой Ростовцев пропел «настоящий гимн», потому что она де обеспечивала единство эллинистического мира и распространение греческой культуры⁵³. В целом же для Зельина не столь важной была полемика с современной историографией, сколько его собственные источноведческие изыскания и попытка извлечь из источников далеко идущие выводы. Это видно, например, по тому, как серьезно и плодотворно рассматривал он папирус P. Tebt. 703⁵⁴. При этом Зельин не ограничивается конкретными вопросами, но постоянно стремится к ясности понятий и выработке категорий, помогающих понять развитие социальной истории. Показательно для оценки научных устремлений написание им совместно со своей ученицей М.К. Трофимовой исследования «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период» (М., 1969). К сожалению, работы Зельина не нашли на Западе того внимания, которого они заслуживают благодаря своим бесспорным достоинствам⁵⁵.

В то время как монография Зельина посвящена в основном птолемеевскому хозяйству и обществу во II и I вв. до н.э., его соотечественник Н.Н. Пикус в своих многочисленных трудах исследовал преимущественно III в. до н.э., в частности, в своей книге «Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н.э. Исследования социально-экономических отношений» (М., 1972)⁵⁶. При этом Пикус также много полемизирует с Ростовцевым⁵⁷. Некоторые из его упреков в адрес Ростовцева вытекают из перспективы исторического материализма, например, указание на то, что Ростовцев идеалистически понимал исторический процесс, который не связан у него с определенной стадией развития производительных сил⁵⁸. Эта критика не кажется мне во всех отношениях состоятельной, тем не менее при различных, не всегда свободных от противоречий высказываниях Ростовцева не удивительно, что и для такой критики, как ее формулирует Пикус, в работах Ростовцева можно найти основания. Пикус также упрекает Ростовцева в том, что тот

⁵² См. рец.: Ранович А.Б. // Исторический журнал. 1945. № 2. С. 92—99 (на немецк. яз.: *Ranowitsch A. B. Aufsätze zur Alten Geschichte* // Hrsg. von G. Bockisch. B., 1961. S. 56—74), а также его книгу «Эллинизм и его историческая роль» (М.—Л., 1950) на немецк. яз.: *Der Hellenismus und seine geschichtliche Rolle*. B., 1958. S. 4.

⁵³ Зельин. Исследования... С. 41—44.

⁵⁴ Там же. С. 378—387.

⁵⁵ Резюме исследования см. в кн.: *Raskolnikoff M. La recherche soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain*. Strassbourg, 1975. P. 215—220; резюме «Форм зависимости...» см.: *Fikhman I. F.* // *ChE*. 1970. XLV. 89. P. 182—186. См. также французский перевод статьи К.К. Зельина (ВДИ. 1967. № 2. С. 7—30): *Principes de classification morphologique des formes de dépendance // Formes d'exploitation du travail et rapports sociaux dans l'antiquité classique. Recherches internationales à la lumière du marxisme*. 1975. 84. P. 45—77.

⁵⁶ Краткое содержание этой книги я в свое время изложил в рецензии: *ChE*. 1970. XLV. 89. P. 186—188.

⁵⁷ Пикус. Царские земледельцы. С. 31 сл., 35 сл., 43—51.

⁵⁸ Там же. С. 51.

не разделяет марксистско-ленинских взглядов на формационное членение истории. Но именно в этом пункте я не могу, в свою очередь, не упрекнуть Пикуса в том, что он слишком насильственно втискивает структуру птолемеевского хозяйства и общества в схему рабовладельческой формации⁵⁹. Наконец, Пикус выдвигает против Ростовцева упрек в том, что тот рассматривает птолемеевский Египет в слишком модернизирующих категориях (капитализм, плановое хозяйство и т.д.)⁶⁰. Эти упреки известны, и они во многом правомерны. Но в этой связи надо было бы более подробно рассмотреть два фактора. Одним из них является укорененность взглядов Ростовцева в некоей типично русской историографической традиции. Это касается его интереса к вопросам социально-экономической истории вообще и в частности к отношениям между государством и индивидуумом, между господствующим и подчиненным слоями, между городом и деревней, между культурным миром и «варварами». Конечно, Ростовцев во всех этих областях испытал совершенно различные влияния, но формирование русского компонента заслуживало бы более систематического изучения⁶¹. Это распространяется и на второй фактор, а именно, марксистское влияние на категории и концепции Ростовцева. Я выше касался уже кратко этого аспекта. В любом случае следовало бы приветствовать, если бы будущие советские исследования, посвященные Ростовцеву, внесли бы свой вклад также и в прояснение той духовной и политической среды, в которой Ростовцев жил и действовал до 1918 г.

Эти немногие примеры откликов на изображение Ростовцевым социально-экономической истории эллинистического Египта являются, естественно, лишь фрагментами гораздо более широкой дискуссии, которую я здесь не могу отразить во всех подробностях. Темы, которых касался и часто в значительной степени разрабатывал Ростовцев, исследуются с различных сторон и в современной науке. При этом первую и важнейшую роль играют новые источники, которые могут не только корректировать понимание деталей, но и изменить общую картину. Уточнения наших знаний следует ожидать главным образом в области собственно египетских предпосылок и условий птолемеевской хозяйственной политики. Наблюдаемый в последние десятилетия подъем демотических исследований дает возможность надеяться, что в будущем мы сможем получить гораздо более правильное представление об обществе птолемеевского Египта. Эта новая картина возникнет, однако, не только на основе демотических папирусов, но и благодаря свидетельствам искусства позднего Египта, большой вклад в понимание которого внесли Б. Ботмер и другие⁶². Египетские скульптуры и относящиеся к ним надписи дают возможность составить довольно точное представление о самоизображении местного правящего слоя. Обработка иероглифических текстов из египетских храмов времени Птолемея и римского господства также делает большие успехи и приводит к выводу, что египетская теология поздней эпохи не была в застое, а живо развивалась дальше. Вес местных традиций в эллинистическом Египте гораздо отчетливее сейчас, нежели это было возможно во времена Ростовцева.

⁵⁹ Подробное изложение моих аргументов вышло бы за рамки этой статьи, поэтому я укажу лишь на мою прошлую дискуссию с Пикусом: *Heinen H. Sur le régime du travail dans l'Égypte ptolémaïque au IIIe siècle avant J.-C. A propos d'un livre récent de N.N. Pikus // Le monde grec: pensée, littérature, histoire, documents. Hommages à Claire Préaux. Bruxelles, 1975. P. 656—662.*

⁶⁰ Ср. статью Н.Н. Пикуса по поводу одного конкретного места в Р. Тебт. 703, спор вокруг которого я уже выше упоминал: *Pikus N.N. A propos de la διαγραφή τοῦ σπύρου // Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology (American Studies in Papyrology, 7). Toronto, 1970. P. 405—410.*

⁶¹ Целый ряд новых подходов к прояснению культурной и семейной традиции разработал прежде всего М.А. Вес; ср. его упомянутую в прим. 1 книгу и статью: *Wes M.A. The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // Historia. 1988. 37. S. 207—221.* См. также статью Ж. Андро — введение к французскому изданию «Социально-экономической истории Римской империи» (полное название см. прим. 1), с. LXVI сл., где он пишет о взглядах русского историка Т.Н. Грановского (1813—1855) и его возможном влиянии на Ростовцева.

⁶² Я называю здесь только образцовую работу Ботмера: *Bothmer B.V. Egyptian Sculpture of the Late Period. 700 B.C. to A.D. 100. N.Y., 1960*; ср. *Bianchi R.S. et al. (ed). Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies. N.Y., 1988* (подробная библиография на с. 261—289).

Если речь идет о значительных шагах вперед, то следует упомянуть также две важные, в своей направленности столь различные монографии П.М. Фрэзера и Д.Дж. Томпсон об Александрии и Мемфисе⁶³. Совершенно особого признания заслуживает основополагающий труд, которого Ростовцев еще не знал, но без которого сегодня немислима ни одна работа по социальной истории птолемеевского Египта — это основанная У. Перемансом и Э. Ван'т Даком серия «Просопография Птолемеевского Египта»⁶⁴. Источников и исследований становится все больше и больше, и все же многие проблемы, которые когда-то занимали Ростовцева, до сих пор еще не решены. Об этом свидетельствует между прочим и оригинальная работа А.Е. Сэмюэла⁶⁵, который решительно возражает против концепции Ростовцева о прогрессивной плановой политике первых Птолемеев и, напротив, выдвигает тезис о том, что стабильность и автаркия, а не прогресс и рост определяли представления Птолемеев.

О большом значении достижений Ростовцева говорит то обстоятельство, что, несмотря на новые источники и исследования, его работы о птолемеевском Египте сохранили свою ценность и еще сегодня дают сильные импульсы для развития новых идей. Это еще одна причина желать того, чтобы советские историки интенсивно и критически занялись творчеством великого русского ученого. Перевод его обоих главных трудов о социально-экономической истории эллинистического мира и Римской империи на родной язык их создателя был бы весьма полезным для советской исторической науки. Для Ростовцева, который так много сделал для авторитета русской науки и исследования Северного Причерноморья, это было бы поздним, но заслуженным возвращением на свою родину*.

⁶³ *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. 3 vol. Oxf., 1972; *Thompson D.J.* Memphis under the Ptolemies. Princeton, 1988.

⁶⁴ *Prosopographia Ptolemaica* / Ed. W. Peremans, E. Van't Dack. Lovanii, 1950; до сих пор появилось девять томов в серии «*Studia Hellenistica*».

⁶⁵ *Samuel A.E.* From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt (*Studia Hellenistica*, 26). Lovanii, 1983.

* Перевод А.В. Подосинова.

THE HELLENISTIC EGYPT IN THE WORKS OF M.I. ROSTOVITZEFF

H. Heinen

The author of this article examines only one part of the vast scientific heritage of the great Russian historian M.I. Rostovtzeff, that is the Hellenistic Egypt. He analyses the most important works of M.I. Rostovtzeff as well as his most fruitful ideas which appeared during the work of Rostovtzeff on the problems of the Egyptian history, then were verified with the help of numerous source materials and put together in his general conception of the historical process.

The author stresses that inspite of criticism of some of Rostovtzeff's propositions, which is sometimes correct, his works are still urgent and generally recognized because of the incredible erudition of M.I. Rostovtzeff, of his gift to combine various kinds of sources in his researches and of his strive to comprehend the facts and the processes taken separately.

The most scrupulously analysed are such works of Rostovtzeff as «The History of State Farming in the Roman Empire (from Augustus to Diocletianus)» (1899), «The Capitalism and Public Economy in the Ancient World» (1900), «*Studien zur Geschichte des Römischen Kolonats*» (1910), «The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times» (1920), «A Large Estate in Egypt in the Third Century B.C. A Study in Economic History» (1922), «Ptolemaic Egypt» (in: *CAH*, VII, 1928), and, finally, his fundamental «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (1941).

Besides that, the author also dwells upon the further fate of some of Rostovtzeff's ideas in the Western and Soviet historiography as well as upon the value and actuality of many of his propositions.